

А. В. КЕССЕНИХ

ПОЭМА О ЖИЗНИ МОЛОДОГО СОВЕТСКОГО ФИЗИКА 40–50-х ГОДОВ

У автора столь популярной среди бывших выпускников физфака поэмы «Евгений Стромынкин» линия поэтического творчества и линия профессиональной деятельности шли рядом. Они переплетались, и в результате, читая поэму, мы живо ощущаем время и удушливую морально-идеологическую атмосферу, в которой происходила деятельность физиков той поры (1945–1956 гг.).

Пародийный стиль поэмы не умалил тонкости авторского проникновения в советскую научную и педагогическую действительность конца сталинской эпохи. Более того, нет ничего зазорного в том, чтобы, применяя пародию по форме, вскрывать реалии в содержании. Такие формы отражения действительности в условиях тоталитаризма казались более безопасными.

Ведь автор при всем своем критическом настрое поначалу не собирался уходить в подполье или в правовой протест, как некоторые молодые люди 60-х годов, а хотел активно работать по специальности. Постепенно, правда, он перешел границы «конструктивной» критики, по мере сил участвовал в правозащитном движении и даже начал «бодаться с дубом». В 4–7 главах поэмы появились обличительные нотки, но какое-то время эти главы не были доступны широкой физической (и прочей) общественности. Вряд ли автор в те годы питал какие-то иллюзии относительно литературной славы, однако поддержка Е. Л. Фейнберга вдохновила Герцена Исаевича не только на попытки опубликовать «Евгения Стромынкина», но и на новые, по-своему еще более интересные произведения [1].

Первые три главы ходили в списках по физфаку и среди физиков-профессионалов с 1950 г., а очень широко — уже в 1953–54 гг. Этот самый ранний из доступных исследователям вариант сохранился в десятках машинописных перепечаток. Затем коллектив-студия «Архимед», созданный в 1961 г., познакомился с автором во время гастролей в Дубне в 1964 г. В 1968 г. во время одной из научных конференций Г. Копылов в неофициальной обстановке в Северной аудитории физфака наконец прочел новые главы своей поэмы студентам. Впоследствии из-за известной «компетентным органам» близости автора к прогрессивно настроенному барду Ю. Ч. Киму и правозащитнику П. И. Якиру (позднее арестованному и отбывавшему ссылку) контакты Копылова со студентами искусственно ограничивались. Последний вариант текста автор подготовил в 1973 г., и именно он был передан его вдовой Диной Константиновной в 1977 г. в студию «Архимед». К 1979 г. этот вариант был снабжен Анатолием Прохоровым подробнейшим комментарием по всем параллельным редакциям и частично исполнен на вечере «25 лет физического искусства», проведенном Ю. В. Гапоновым в ДК Института атомной энергии им. Кур-

Портрет страшилкинского предка,
котаный тулуким кабрался
ты, видно, вабывал нередко.
Варил ты его для абразда.
Евгений он, и я Евгений.
Но а застыл, как лозг тюлений,
а он и жив и пивом см.
И я тебя бы попросил:
не манови ты мне увенч,
исеми уж родим меня,
привавь мне физики и огня,
дай, в едучи, обиж человек,
Атас в люди выйдти бы стига.
Не покалей на то труда.

Желаю, возраст цетреба,
дожить до сотни дней рождений.

Эх, мне бы пережить тебя
еще на столто же.
Евгений
(сочин. 24/10/73 г.) 24/10/73 г.

Страница из рабочей тетради
Г. Копылова, содержащая черновики
и заготовки для «Евгения Стромынкина»

К 1979 г. этот вариант был снабжен Анатолием Прохоровым подробнейшим комментарием по всем параллельным редакциям и частично исполнен на вечере «25 лет физического искусства», проведенном Ю. В. Гапоновым в ДК Института атомной энергии им. Кур-

чатова в декабре 1979 г. Примерно тот же вариант впоследствии вошел в издание [1] под редакцией известного правозащитника К. А. Любарского (1934–1996), кандидата физико-математических наук, выпускника астрономического отделения МГУ при мехмате 1956 г. Всю информацию о текстах, полученную от студии «Архимед», мы отмечаем соответствующей сноской [2].

Заключительная сцена второй главы как будто специально предназначена для публикации в ВИЕТ и красочно изображает атмосферу перманентных идеологических дискуссий. О них документально написал А. С. Сонин в журнале «Природа» [3] и в книге «Физический идеализм» [4], упомянули А. В. Андреев в своей диссертационной работе [5], К. А. Томилин [6] и С. С. Илизаров [7] в своих публикациях. Однако сила искусства такова, что несколько строк из «Стромынкина» и без комментария достаточно рельефно отражают преобладающее отношение грамотных и порядочных физиков к этой идеологической кутерьме:

А в это время семинар
Не клал на свой язык охулки,
Грозь махизма семенам,
Идеализма пни корчюя...

и так далее, — ведь по мнению многих «корифеев» того времени:

...глуп Эйнштейн,
...вредитель* — Бор,
А физик — не макроприбор,
А социальное явление!

Но это лишь одно из самых ярких мест поэмы. В ней и студенческий быт на Стромынке, и поход в консерваторию, здесь и общая атмосфера в стране, здесь и обычные заботы нищей молодости, и каторжная жизнь студента, то и дело повторяющего как заклинание: учиться, учиться, но не заучиваться.

Среди героев поэмы появляются выдающиеся преподаватели факультета. Рядом с ними и среди них участники «идеологических битв», или, как называет эти действия автор поэмы, «идеологических стирок». В поэме цитируются или упоминаются к слову известные физики всех времен, стран и народов, упоминаются почти забытые ныне реалии послевоенной жизни всех граждан нашей Родины.

Окончание университетского курса почти совпало для автора с тяжелым событием: МГБ арестовало, а затем без суда выслало нескольких студентов физфака — детей «врагов народа». К их числу, например, принадлежали Эрлен Ильич Федин, Инна Ароновна Гальстер, дети крупных репрессированных деятелей. Арестованные подверглись административной высылке в разные районы Казахстана и сумели завершить свое образование лишь в 50-х гг.

Партийное руководство физфака по слухам вызвало о поэме только к 1951 г. Кажется, было внутреннее расследование. «Дела», однако, не получилось. Видимо, не удалось найти доносчика.

Я помню, как нас, наиболее активных участников бунтарской IV отчетно-перевыборной комсомольской конференции физфака, прошедшей в октябре 1953 г., да и просто наших сокурсников в начале 1954 г. вызывали в партком МГУ. Нам «шили» идеологическую диверсию, элементом которой было распространение и даже просто знакомство с поэмой Копылова (имя его тогда было неизвестно ни нам, ни, слава Богу, нашим инквизиторам). Это было примерно так:

* Вариант — «сволочь».

И спрашивают нас резонно очень:
«Стромынкина» читали? — М-да...
Не вы ль Письмо писали, между прочим,
И кто вам в этом помогал тогда?*

Под «Письмом» как раз имеется в виду принятое IV отчетно-перевыборной комсомольской конференцией письмо в ЦК КПСС. По настрою оно было весьма критичным, попросту разносным в отношении организации учебной работы на физфаке, и особенно в части отстранения от нее группы ведущих ученых-физиков, по «странному совпадению» именно тех, которые наиболее активно работали над атомным проектом. Довольно странно, что этого письма не оказалось в архивных материалах, доступных А. С. Сониному, А. В. Андрееву, К. А. Томилину и С. С. Илизарову (см. [3–7]) и авторам ряда других публикаций.

Интересно, что косвенно можно понять, как среагировали руководящие круги физфака на намерение этой конференции в начале октября 1953 г. отправить письмо в ЦК КПСС. Верхушка физфаковской группы идеологических борцов начала запускать одну контрмину за другой: 7 октября пошло «разоблачительное» письмо против ректора МГУ И. Г. Петровского от четырех профессоров [7] (в параллельном варианте за подписью подставного лица: «Ректор Петровский, сын купца, препятствует выдвижению национальных кадров из рабочей семьи»). А 14 октября того же года декан физфака профессор А. А. Соколов в своем письме поддерживал избрание в АН СССР примерно тех же профессоров, которые подписали письмо против ректора. Наконец, 17 октября пошло вовсе беспардонное письмо от Н. С. Акулова с «разоблачением» И. Е. Тамма по четырем пунктам (меньшевик, друг врага, брат врага, не имеет фундаментальных работ). Читатель легко может представить себе обстановку, в которой молодой автор слагал свое произведение! Ведь то, что сравнительно безболезненно сошло с рук в октябре 1953 г., было абсолютно невозможно в 1949 г., когда Копылов писал начальные главы своей поэмы.

Хочется всячески приветствовать публикацию «Евгения Стромынкина» в журнале ВИЕТ. Читатели будут благодарны сыну автора поэмы Геннадию Герценовичу Копылову, взявшему на себя труд подготовить исходный литературный и компьютерный варианты поэмы, провести согласование текстов с редакцией.

Поэма, как мы уже сказали, ходила во многих списках и по крайней мере в четырех редакциях (см. [2]). Геннадий Герценович представил в редакцию для публикации один из последних авторских вариантов поэмы, примерно соответствующий публикации в Мюнхене в собрании избранных произведений автора «Четырехмерная поэма и другие неодномерные произведения» [1].

О роли редактора издания [1] Кронида Аркадьевича Любарского в истории поэмы следовало бы сказать особо. Кронид познакомился с первыми главами поэмы как только поступил на астрономическое отделение тогда мехмата МГУ. Романтика научных исследований и дух свободомыслия, сочетаясь в мятежной натуре первого редактора «Стромынкина», сделали его судьбу интересной, но нелегкой. В 1954 г. Любарский совместно с рядом студентов и аспирантов МГУ выступил «подписантом» письма в защиту известной статьи критика В. Померанцева «Об искренности» в «Новом мире» (1953, № 12). Вскоре последовало распределение, и Крониду Аркадьевичу досталось интересное, но вряд ли удачное для астрофизика место работы — Обсерватория АН Туркменской ССР в Ашхабаде. Между тем молодого исследователя волновала проблема физики атмосферы Марса и, страшно сказать, связанный с этой проблемой вопрос — есть ли на Марсе жизнь?

* Строки тех лет составителя комментария А. В. Кессениха.

Но прежде чем ответить на этот сакраментальный, но явно вторичный вопрос, Кронида пришлось после возвращения в Москву (1963 г.) и защиты диссертации в Институте ядерной физики АН СССР познать, какова есть жизнь на нашей родной Земле. Отсутствие известного всем, кто имел дело со спецтематикой, «допуска» не позволило К. А. работать над космическими программами, и он оказался педагогом в специальной школе АПН СССР в Черноголовке. Дух же свободомыслия не оставлял молодого ученого, и в 1972 г. при аресте на его квартире обнаружили около 600 документов небезызвестного «самиздата». Как вспоминает первый редактор «Стромынкина», строки из поэмы он твердил наизусть, скрашивая свое пребывание в ШИЗО мордовских лагерей и в одиночке Владимирского централа. В 1977 г. Любарский с семьей был выселен на сто первый километр в Тарусу, откуда под давлением неизбежных обвинений в «тунеядстве» он вынужден был в том же 1977 г. эмигрировать.

Отдельные сведения о К. А. Любарском имеются в книге Л. Алексеевой [8], основные же данные мы получили от вдовы К. А. Галины Ильиничны Любарской.

Поэма вместе с другими произведениями Г. Копылова вошла в одно из важнейших изданий созданного К. А. Любарским в Мюнхене издательства «Страна и мир». Некоторые варианты отдельных отрывков были включены в предлагаемый читателю текст в качестве дополнений. Мы, по согласованию с публикатором, полностью приняли за основу последнюю редакцию, и лишь для строф второй главы, наиболее интересной в качестве исторического документа, но претерпевшей наибольшие и многократные изменения по сравнению с ранними редакциями, была составлена комбинированная редакция из двух-четырех вариантов. Эта редакция опирается как на тексты, наиболее запомнившиеся выпускникам 1949–1955 гг., так и на важнейшие изменения последующей редакции. Небольшие поправки к стихотворным текстам, направленные на устранение случайных ошибок автора, отмечены каждый раз в комментарии.

Поэма довольно резко делится на две части. Главы 1–3 написаны на основе непосредственных впечатлений и составляют первую часть. Вторую же часть образуют дописанные позднее, важные для придания сюжету известной завершенности и выражения критического настроения автора к «советской действительности» последние три главы (5–7). Пограничная четвертая глава («Бал») всё же ближе по характеру ко второй части поэмы. Составителям комментария более знакомы именно многочисленные реалии послевоенной жизни физфака МГУ и страны. Небольшая часть примечаний перенесена из комментария редактора и составителя мюнхенского издания К. А. Любарского [1]. Учтены весьма ценные замечания академика Е. Л. Фейнберга, участников семинара сектора истории физики и механики ИИЕТ, состоявшегося 13 января 1998 г., и его руководителя Вл. П. Визгина.

Биографические сведения о профессорах физфака и других действующих лицах поэмы во многом почерпнуты из материалов, хранящихся в Кабинете истории физики (КИФ) физфака МГУ. Широко использованы личные воспоминания выпускников физфака разных лет: М. И. Родак (1949), Б. М. Болотовского (1952), Г. И. Пятницкого (1954), Б. А. Квасова (1952), Я. Ю. Ахадова (1954), а также бывшего студента физфака Э. И. Федина, сотрудника физфака А. В. Восканяна, заведующего КИФ, выпускника физфака 1952 г. Л. В. Лёвшина, и, наконец, воспоминания и архивы составителя настоящего комментария, выпускника физфака 1954 г. А. В. Кессениха.

КОММЕНТАРИЙ

— А почему оно красное?

— А потому что зеленое! — Речь идет о черной смородине. Возможно, неясный намек на то, что молодежь в глубине души разделяла коммунистические идеалы.

ГЛАВА 1

Сяду я за стол

И подумаю,

Как на свете жить

С такою суммою. — Ср. начало стихотворения А. Кольцова «Раздумье селянина»:

Сяду я за стол

И подумаю,

Как на свете жить

Одинокому.

Типичная в дальнейшем манера переименования цитируемого текста.

1 Мой дядя — адвокат известный. — Как вы заметили, автор начинает поэму с тех же слов, что и А. С. Пушкин — «Евгения Онегина». Это сразу же определяет ее принадлежность к жанру пародии. Вообще же таких прямых цитат из Пушкина в поэме считанное число (см. второй эпиграф к гл. 3 и строфы 21 и 38* гл. 2).

2 Первоначальная редакция первых четырех строк [2]:

Так думал молодой бездельник,

В свои сомненья погружен.

Раздав долги, совсем без денег

Под Новый год остался он.

Верньеров, клемм и емкостей. — *Верньер* — передача (чаще всего соосная) с замедлением вращения (для тонкой настройки контуров). *Клемма* — устройство для подсоединения и закрепления (обычно под гайку) проводов или кабелей. «Емкостей» — обычный для радиолюбителя жаргон, вместо «конденсаторов». Герой явно не чужд созданию коротковолновых приемников.

Да пропуска в студгородок. — Студгородок МГУ размещался в те годы (с 1933 и частично примерно до 1955 г.) в пятиэтажных корпусах на ул. Стромынка, д. 32 (теперь 20), вблизи от Матросского моста через Язу. Отсюда и вымышленная фамилия героя. Наименование улицы историческое — от названия богатого торгового села Стромынь.

3 Первоначальная редакция первых четырех строк [2]:

По перечню предметов всякий,

Я думаю, тотчас поймет,

Что мой герой — студент физфака

И в общежитии живет.

7 От баснописцев до акынов. — Упоминаются наиболее одиозные жанры официальной поэзии. *Баснописцы*, например С. Михалков (в одном из вариантов «от Михалкова до акынов»), подтверждая своим существованием начальственное поощрение критики, в то же время не забывали к месту и не к месту воскадить тому же начальству фимиам. (Как известно, тот же Михалков был автором «Гимна Советского Союза», а в баснях — автором знаменитого укора «космополитам»: «А сало русское едят!».) *Акыны* — певцы народов СССР, например Джембул Джаба-

ев, Сулейман Стальский — были известны 90% советских читателей в изошренных переложениях лучших, талантливейших переводчиков (С. Липкин, Я. Козловский и др.). Бытовали мнения, что в талантливых переводах восхваления всего сущего под Солнцем Сталинской Конституции еще более усиливались.

8 В первоначальной редакции строфа 8 звучала более «по-домашнему» [2]:

А то обидно, в прежни лета
 Была воспета колбаса,
 Картошка тоже уж воспета,
 А ты, стромынская краса
 И гордость, кипяток отменный,
 Студента спутник неизменный,
 Отрада долгих вечеров,
 Ты, нежная моя любовь,
 Давно нуждаешься в рекламе,
 И восхищенными стихами
 Пора воспеть тебя давно,
 Рассматриваемая нами
 В момент кипенья H_2O .

ГЛАВА 2

Звездочкой (*) отмечены нумерованные в порядке следования после строфы 31 строфы, приводимые в редакции более ранней (скорее всего первоначальной) [2], чем в издании [1] под ред. К. Любарского. Двумя звездочками (**) и с нумерацией, соответствующей варианту мюнхенского издания, выделены строфы в новейшей редакции, перемещенные в конец главы.

Я не был вундеркиндом, но я буду им! (Мика Бонгарт). — Смысл эпиграфа ясен каждому, кто всерьез занимался наукой. Михаил Моисеевич Бонгарт (1924–1971) — известный в кругах математиков, биофизиков, физиков и даже лингвистов специалист по физике зрения, распознаванию образов и другим проблемам искусственного интеллекта. Круг его знакомых, однако, был еще шире за счет пристрастия М. М. к турпоходам и занятиям альпинизмом. М. Бонгарт поступил на физфак еще до войны, но прервал учебу, участвовал в сражениях, а после победы поступил в 1945 г. сразу на 2-й курс (тот же самый, где учился и автор поэмы). После окончания физфака имел, несмотря на участие в войне, типичные для людей того времени и судьбы (беспартийный, еврей, сын репрессированных родителей) трудности с устройством на работу. Ходила легенда о том, что ему предлагали место на балалаечной фабрике. Он работал в школе, в Московском планетарии, в лаборатории зрения (вошедшей позднее в Институт биофизики АН СССР), затем руководил лабораторией в Институте проблем передачи информации. Будучи физиком, освоил, с одной стороны технику препарирования живых тканей, а с другой — сложные математические методы (стал вундеркиндом!). В 1958 (ГОИ) и 1960 гг. (ФИАН, повторно, после первоначального отказа в присуждении степени) защищал кандидатскую диссертацию по цветному зрению; в 1970 г. успешно защитил докторскую диссертацию (по искусственному интеллекту). Основной труд М. М. — «Проблема узнавания» [9]; см. также популярное изложение его вклада в науку в [10, с. 120 и далее] — о создании т. н. «перцептроне» (или «перцептроне»). По словам сокурсников, был в тесных дружеских отношениях с автором поэмы. Погиб М. Бонгарт в 1971 г. в горах Кавказа, возвращаясь с восхождения на вершину со странным названием «Пик 15-летия Польской Народной Республики», вместе с

известным физиком и альпинистом, выпускником физфака 1954 г. О. Куликовым. Очень яркие, хотя и отрывочные личные воспоминания о М. М. Бонгарте — в мемуарах Р. М. Фрумкиной [11].

3 И свору цифр на зал спустил. — Эта строка в старом варианте звучала в привычном газетном стиле: «И расстановке наших сил».

4 Старик «Всемирный следопыт». — Видимо, имеются в виду подшивки старых приключенческих журналов с указанным названием, тогда еще хранившиеся во многих семьях.

«Хоттабыч» и «Гиперболоид»,

«Вратарь» и Саня-капитан. — «Хоттабыч» — фантастическая повесть Л. Лагина «Старик Хоттабыч», занимательное чтение для детей и подростков. Имя ее героя, волшебника Омара Ибн-Хоттаба, заимствовано из арабских легенд и упоминается в Коране. «Гиперболоид» — фантастический роман А. Н. Толстого «Гиперболоид инженера Гарина». «Вратарь» — повесть Л. Кассиля «Вратарь республики». Саня-капитан — Саня Григорьев, герой повести В. Каверина «Два капитана».

И Джона Рида «10 дней...». — Не издававшийся с 1920-х гг. по 1956 г. развернутый художественный репортаж об Октябрьской революции 1917 г. в Петрограде и Москве.

5 Собрав, ловил на супера

Из-за границы передачу. — Имеется в виду прогрессивная тогда конструкция супергетеродинного радиоприемника с преобразованием несущей частоты сигнала в промежуточную, что позволяло сузить частотную полосу до оптимального значения и в значительной степени отделаться от помех.

9 Первый вариант начала строфы 9 [2]:

Встречал ли ты провинциала,
Что первый раз попал в Москву?
Как шику нашего в нем мало,
Какой сумбур в его мозгу!
Ему все ново, чуждо, странно...

10 Интересный вариант строфы из более ранних [2]:

Туда, где жили наши предки,
К Кремлю седому он бежит,
И куполов завидев редьки,
В благоговении дрожит.
Пошлявшись возле их подножий,
Отсюда он, во-первых, может
Зайти в Лаврушинский и там
Смотреть «Явление Христа»,
Иль мелкий Репина эскизец,
Или пшеничные поля,
Что на полотнах навалял
Ведущий ныне лживописец.
Вот первый путь...
А путь второй —
Пойти кататься на метро.

В варианте [1] упоминаются уже многие «лживописцы», сиречь соцреалисты.

Или пшеничные поля,

Что на полотнах навалял. — Похоже, намек на серию картин Герасимова «Рожь-матушка».

Пойти кататься на метро. — Когда Женя прибыл в Москву, здесь действовали только три линии метрополитена, но во всех других городах Советского Союза еще не было ни одной.

12* Конец строфы в последней редакции звучит почти безупречно [1]:

В наивность по уши окутан,
В ученых видел идеал
И их от смертных отделял.
Доцент был для него, что Ньютон,
Профессор — Майкл Фарадей,
Декан — из сказки Берендей.

Здесь приводится, однако, более интересный своими связями с реалиями того времени ранний вариант [2].

Под корешком факториал. — $\sqrt{!}$, известный еще с довоенного времени символ физического факультета МГУ, окончательно утвержденный на первом «Празднике Архимеда» в 1960 г.

На полке длинноносый Ньютон

И замдекана борода. — Заместителем декана по учебной части был в конце 40-х гг. Д. Н. Носилов, по специальности геофизик, обладатель уникальной окладистой бороды.

13 На чтение разных Папалексей. — Н. Д. Папалекси — выдающийся физик, автор «Курса общей физики» (а не руководства по «Практикуму», как полагал Любарский), рекомендованного тогда студентам МГУ [12, с. 206].

14 Умел за шахматной доской

Сидеть на окнах день-деньской. — В правом крыле учебного корпуса на ул. Моховой, д. 9 располагалась кафедра физкультуры МГУ. Там, на широких подоконниках коридора, ведущего к входу в подвал, действительно день-деньской сидели шахматисты; одни изредка приходили развлечься, некоторые участвовали в межгрупповых или междурсовых соревнованиях, третьи же просто не знали иной формы существования и, просидев так года два-три, вылетали из МГУ.

Евгений за «Спартак» болел. — Футбольные соревнования, в отсутствие других серьезных новостей, давали значительную пищу эмоциям простых советских граждан. Команда «Спартак» была в ту пору не самой удачливой на длинной дистанции первенства СССР, но изредка завоевывала, как в 1947 г., Кубок СССР, при этом игры проходили с выбыванием проигравших, и для победы в соревновании было достаточно выиграть пять-шесть раз подряд.

15 В мероприятиях групповых

(Слыхали ж это выраженье?). — Общественная жизнь в учебных группах всячески стимулировалась. Одних общественных руководителей в каждой группе (20–25 студентов) было до 4–5: комсорг, профорг, староста, иногда физорг или культорг. Но кроме официальных мероприятий (собраний, субботников, соревнований) были, конечно, и сугубо неофициальные.

Решили, скажем, коллективом

В кино с «Основ» сбежать ретиво

Или в Сокольники на кросс. — «Основы» — «Основы марксизма-ленинизма» (в 80-х гг. — «История КПСС») — ведущий предмет общественно-политического цикла для всех советских студентов. В выписках из диплома шел за номером один, предваряя «Политэкономия» и «Диалектический и исторический материализм» (а уж потом шли «Общая физика», «Математический анализ» и т. п.). Сбежать с «Основ» считалось уж никак не групповым мероприятием, но серьезным проступком, тем не менее часто это сходило с рук, потому что в глубине души многие преподаватели относились к ведущей роли своего предмета довольно скептически. В старом варианте было: «Физфака двор изрыть ретиво...» [2], что подразумевало участие в субботнике по строительству спортплощадок и являлось не только групповым, но и курсовым мероприятием.

Сокольники — у самого входа в парк «Сокольники» располагалась спортивная база МГУ.

16 «Дубину» знал и «Бригантину»

И «Баба сеяла горох». — «Дубина» — несомненно, имеется в виду гимн физфака на мотив одноименной песни (см. [13]). «Бригантина» — песня на слова П. Когана, очень популярная в послевоенные годы. «Баба сеяла горох» — популярная во все времена в России детская игровая песня с пристукиваниями и приплясываниями; видимо, исполнялась в компании Жени из озорства.

17 Как корень в плоскости комплексной,

Двузначны быть должны слова. — Квадратный корень из любой величины (комплексной $a \pm ib$, $i = \sqrt{-1}$ или вещественной a), за исключением нуля, имеет два значения. Многозначны и результаты извлечения корня любой степени (возведение в дробную степень) комплексных величин.

18 Себя держал он панибратом. — Сначала [2] в поэме было сказано:

**С каким-нибудь лауреатом
Был Женя наш запанибрата.**

В последнем варианте автор решил ввести расширение русского языка: «Себя держал он панибратом».

Был запросто к Ландау вхож,

Д. Д. не ставил ни во грош. — Ландау — имя одного из самых выдающихся физиков XX столетия не нуждается в пояснении (см. [12, с. 152]). Д. Д. — Дмитрий Дмитриевич Иваненко (1904–1994), известный советский физик, профессор МГУ, лауреат Сталинской премии (1950, за теорию светящегося электрона, совместно с Соколовым и Померанчуком). Несмотря на изрядные и признаваемые научные заслуги, как-то: протонно-нейтронная модель ядра, некоторые работы по теории синхротронного излучения совместно с Померанчуком (см. [12, с. 118]), вызывал у многих коллег критическое, а то и скептическое отношение. Известный в 20-х гг. как один из талантливейших молодых физиков, пережив преследования (ссылку из Ленинграда в Томск в 1935–38 гг.), впоследствии пользовался репутацией карьериста. Известна была его спекуляция вымышленным положением обиженного космополитами выдающегося русского ученого ([3; 4, с. 128–129]). Д. Д. приписывали желание и умение вовремя оказаться в соавторах актуальной работы, невзирая на степень участия в ее создании. Д. Д. подвергался дружному ostracismu со стороны академических кругов и иностранных коллег (по свидетельству, напри-

мер, [14]), отчего страдали и его даже ни в чем не повинные ученики. Отечественные же коллеги зачастую говаривали: да, он действительно грамотен и эрудит, имеет много заслуг, но к оценке его достижений надо относиться осторожно. Мнение комментаторов, что Иваненко готовили на роль «физического Лысенко» [1, с. 262], неосновательно. В этой кампании его использовали для веса. Аналогия с Лысенко, вероятно, возникла потому, что Иваненко заведовал одно время кафедрой общей физики в Сельхозакадемии им. Тимирязева [4, с. 106]. Меткие характеристики, приведенные в разных местах поэмы («знаток интерпретаций явлений с помощью трех пальцев» — см. строфу 36*, «эрудит, по часу кряду ерундит» — см. строфу 38*), в общем правильно отражают отношение к Д. Д. среди студентов и сотрудников факультета, хотя не умаляют его заслуг. Известна еще одна «частушка» про «Д. Д. с очень низким КПД», не вошедшая в поэму. Подробнее об этой противоречивой фигуре можно прочитать в «Бюллетене Российского физического общества» (1994. Вып. 3–4).

Я был при том, когда Леднев
Льва одряхлевшего — Эйнштейна,
Собрав профессоров кагал,

Ногой бестрепетной лягал. — *Леднев* (Николай Андреевич) — способный, молодой в те годы профессор математики в МГУ. Читал лекции по математическому анализу студентам МГУ в 1945–1951 гг. В течение второго семестра 1945 г. сумел стать кандидатом и доктором наук. Известен был демонстративным отрицанием общей теории относительности Эйнштейна, о чем вскользь упоминал на своих лекциях и чему посвящал выступления на идеологических («философских») семинарах. Азарт и эйфория от научных и педагогических успехов сыграли с Николаем Андреевичем злую шутку. Он легко поддавался на провокации Отдела науки ЦК (например, ездил с разгромными лекциями против Эйнштейна по градам и весям) и, в частности, как он сам вспоминал, охотно принял предложение заменить на ответственном посту заведующего кафедрой математики Московского энергетического института, неугодного ЦК «космополита» В. И. Левина. Заодно эта замена привела и к быстрому увяданию таланта самого Леднева, что он осознал, к сожалению, чересчур поздно.

Кагал — знаменитое выступление Леднева на философском семинаре физфака в 1950 г., где, вопреки своему математическому и физическому образованию, действительно бестрепетно опровергал специальную теорию относительности Эйнштейна, привлекая в качестве аргументов против очевидных следствий из постулатов СТО почти чеховское «не может быть никогда». В тот раз с протестом выступил даже один студент из МИФИ Алексей Тяпушкин, призвавший присутствующих посещать семинары И. Е. Тамма, чтобы понять суть СТО. О Ледневе см. также строфу 36*: «...столпов ниспровергатель, тридцатилетний вундеркинд».

[21] С ученым видом знатока. — Одна из прямых цитат из А. С. Пушкина. («Евгений Онегин», гл. 1, строфа V).

Журналы «Nature» и «Annalen». — Наиболее авторитетные научные журналы, в том числе помещающие экспресс-публикации выдающихся свежих научных результатов. Теперь пришлось бы упомянуть прежде всего «*Physical Review Letters*».

Знал про неборновский кристалл,
Про борновское приближение,

Про спиноры, про вириал. — Физические термины не из самых распространенных: *неборновский кристалл* — мало известный широким кругам физиков тер-

мин, касающийся кристаллических решеток со сложной динамикой; *борновское приближение* — приближение упругого взаимодействия, например, при рассеянии одной частицы на другой [15]; *спиноры* — набор матричных величин (от 4-х и более), описывающих свойства частиц, обладающих собственным моментом количества движения (спином) [15]; *вириал* — из названия теоремы вириала [15]. Указанная теорема гласит, что средние значения половины работы сил по перемещению материальных точек в замкнутой системе и кинетической энергии (движений) для замкнутой системы равны. Это очевидно для маятника (осциллятора). Теорема справедлива и в классической, и в квантовой механике. Видимо, привлекла автора своей малоизвестностью и звучностью названия.

В последней авторской редакции [1] конец строфы более гладок, но менее интересен:

И кто-то даже уверял,
Что и язык китайский Женя
Освоил бы за полчаса,
Когда б сдавать зачет взялся.

22 Бессмертный Хульо Хуренито. — Название и имя героя романа И. Эренбурга, написанного в начале 20-х годов. Роман не переиздавался в СССР до 1956 г., а в полном виде — до 1987 г., но имелся во многих интеллигентных семьях в старом издании с предисловием Бухарина. Упоминание этого романа указывает на явную склонность героя к общественному скептицизму.

Все тот же Бендер именитый. — Остап Бендер, герой И. Ильфа и Е. Петрова (см. строфу 5 гл. 2). *Именитый* — по-видимому, указывает на популярность этого героя.

И Жюль Ренара слог простой. — Не путать с Жаком Ренаром, а тем более с Жозефом Ренаном, автором «Истории христианства». Ренар — мало известный в России французский писатель XIX–XX вв.: лишь немногие читали безыскусные произведения Ренара о сельской жизни («Буколики») и его «Дневники».

...гипнотизер Андреев. — Писатель Леонид Андреев при Сталине не издавался, но, как мы видим, это не было помехой для интеллигентных читателей. Флоберовский «Бувар» — сатирический, весьма едкий, по свидетельству критиков, роман Г. Флобера «Бувар и Пекюше», написанный незадолго до смерти романиста (фактически неоконченный). В России переиздавался редко, например, не вошел в «Избранное» (1947).

И «Модных терминов словарь». — Автор перефразировал (или взял из менее известного издания) заглавие русского перевода сатирической книги Г. Флобера «Лексикон прописных истин». Там фигурировали «истины» вроде «Гидра анархии — беспощадно подавлять», «Блондинки — более пылки, чем брюнетки» и т. п.

24 Ландау клялся и Юкавой. — Демонстрировал знакомство с авторитетами современной физики. Хидэки Юкава — японский физик, выдвинувший и развивший теорию мезонов (современную теорию ядерных сил). См. [12, с. 313].

25 Глядишь — герой в углу читальни. — Читальный зал физфака и мехмата располагался на втором этаже в здании по Моховой, 9, перед которым стоял памятник М. В. Ломоносову.

26 В Консерваторию без билета. — Стоит напомнить, что тогда от Университета до Консерватории было рукой подать — 300 м по улице Герцена (Б. Никитской).

27 Построились свиньей. — Намек на широко известный тогда по фильму «Александр Невский» клинообразный строй немецких рыцарей. Впрочем, в одном из вариантов: «В каре построились...» [2].

28 Юрист в мечтах — давно Вышинский

И только ждет команды: «Взы!». — Не очень лестный отзыв о коллегах с юридического факультета. Андрей Януарьевич Вышинский — генеральный прокурор СССР в годы известных процессов 1937–38 гг., обосновавший понятие «революционное право» в противовес «буржуазному».

Нынешнее содержание строфы претерпело по сравнению с первоначальными вариантами кардинальные изменения. Автор никак не мог однозначно выразить свое отношение к филологам. Публикатор остановился на более остроумном и менее обидном последнем авторском варианте, однако физикам прошлых поколений более знакомы два следующих варианта:

Свой интеллект, и прежде низкий,
Вконец филолог растерял...

И стала уж совсем иною
Младых филологинь краса,
Улыбка томной, чуть хмельною,
Все испытанными глаза.

Тогда этими строками начиналась 22-я строфа второй главы [2]. Публикатор настоящего варианта поэмы Г. Г. Копылов сообщает, что на просьбу поддержать публикацию поэмы в 1987 г. академик А. Мигдал наотрез отказался, мотивируя это тем, что без указанных строк второго, видимо, дорогого ему варианта он рекомендовать поэму не может.

Филолог выучил азы. — Намек на церковно-славянский язык.

Экономиста мозг разбух. — Возможно, справедливо для того времени, когда экономика как наука в СССР практически не функционировала.

29 То рекордсмен-легкоатлет! — Отпечаток ревности студента-физика, также не последнего в спорте, к спортивным успехам химиков. Это чувство было пронесено через десятилетия и нашло отражение даже в опере «Архимед» (1960). В одном из первых вариантов: «Стал химик ярым альпинистом» — похоже, ничего плохого про химиков автор сказать так и не сумел.

По улучшенью давних лет. — Видимо, в какой-то мере справедливая характеристика советских историков, составлявших основу кадров нашего «Министерства правды» (по Дж. Оруэллу).

Философ ходит, словно пристав. — Так оно и было «в идеале» у наших руководящих философов.

30 Чьё сердце — емкостью с фараду,
В ком — индуктивный мысли склад,
И сразу — к оде разогнался,
Подстегнут мощью резонанса,
Который в наших контурах

Звучит, невежеству во страх! — Набор сравнений, выдающий в авторе бывшего радиолюбителя. Фарада — емкость изрядная, соответствующая емкости шара радиусом 9 млн км (в 1500 раз больше Земли!).

31 Как жизнь, как смех, как дом родной,
Люблю угрюмое созданье

Столетова на Моховой. — Несомненно, подразумевается старый пятиэтажный кирпичный корпус физического факультета во дворе домов 11–13 по Моховой. Построен этот корпус был, однако, усилиями не А. Г. Столетова [12, с. 255], а его последователя Н. А. Умова [12, с. 269] в 1895–1903 гг. (см. [16]). Но Столетов — «тоже правильно». Именно он открыл в том же дворе первый в МГУ лабораторный корпус в 1872 г. Здесь имеет место нередкая у поэтов абберрация понятий и явлений. Хорошим примером ее служит разобранное И. Сельвинским описание повадок барса у Лермонтова («Мцыри»), которые в изображении поэта характерны, оказывается, для собачьих, а не для кошачьих хищников!

Занятия физфака продолжались в этом здании до весны 1954 г. (последние два семестра только для младших курсов). В настоящее время здание принадлежит Институту радиотехники и электроники РАН. От Большой физической аудитории остался только «верхний слой» («Казбек», на уровне которого любил сживать герой поэмы на лекциях) в качестве конференц-зала. Здание изрядно обветшало и пошатнулось (оно было поставлено на неудачном месте); по всему периметру, а также изнутри, оно схвачено стальными скрепами.

И кручи Воробьевых гор

Орлиный привлекают взор. — В 1948 г. по предложению Сталина было принято решение о строительстве новых зданий МГУ на Ленинских горах. Закладка их состоялась 12 апреля 1949 г. [17]. Комплекс зданий был в основном сдан в эксплуатацию 1 сентября 1953 г. Силами заключенных (отсюда «зона Б», «зона В» и т. д.), стройбатов (армейских строителей) и вербованных из деревень, с привлечением современной техники и квалифицированных специалистов, с перерасходованием средств и материалов были сооружены весьма парадные апартаменты. Пятиэтажное здание физфака (слева от памятника Ломоносову) в функциональном отношении оказалось довольно хорошим и помогло факультету решить проблему помещений для занятий студентов и работы лабораторий. Но, естественно, только на какое-то время.

32* Ругать редактора сплеча. — От автора известно, что редактором факультетской стенгазеты «Советский физик» был в момент написания этих строк некто Чернетский. Газета под таким названием вывешивается на физфаке и до сих пор.

33* Де-шутки скучны, как Широков. — Михаил Федорович Широков (1901–1982) — известный физик-теоретик, профессор физического факультета, читавший лекции по теоретической физике. У тогдашних студентов лекции М. Ф. вызывали интерес и вряд ли годятся как эталон «скучности». Возможно, автор имел в виду что-нибудь вроде: «Скучны, как сухое изложение теоретических проблем физики».

Не то что младшие собратья. — *Младшие собратья* — курсовые стенгазеты, которые по обычаю того времени издавались довольно регулярно на всех курсах и украшали собою интерьер факультета.

На всю бездарную печать

Наклав молчания печать. — *Наклав* — как будто бы не вполне литературно. Можно было бы без труда отредактировать эту строчку так:

**И на бездарную печать
Молчанья наложить печать.**

Однако вариант автора звучит более «лихо».

34* **К тому ж ты, друг, не Соколов!** — Соколов Арсений Александрович (1910–1986) — известный советский физик-теоретик, профессор физического факультета МГУ, декан факультета в 1948–54 гг. Автор монографий и учебных пособий по электродинамике и квантовой механике (некоторых, кстати, в соавторстве с Д. Д. Иваненко), лауреат Государственной премии (1976). Был в качестве декана заложником группы борцов с «физическим идеализмом» (см. [4, с. 152–153]). Работал над проблемами нерелятивистской и релятивистской квантовой теории, читал на факультете лекции, чаще всего по квантовой механике, которые отличались тщательной проработкой деталей, хотя автора не то что не вполне устраивали, а скорее не вдохновляли. Ср. строфу 38*:

**И Соколов ввергает в сон
Тьмой формул...**

Отличался грузной фигурой и медлительной походкой, что дало автору повод к неуместным шуткам.

Промчал Самарский метеором. — Самарский Александр Александрович (род. 1919) — доцент, впоследствии профессор физфака, известный специалист по математической физике, в особенности в области численных расчетов некорректных задач методами конечных разностей, автор многих выдающихся научных работ и рекомендованного на физфаке учебника «Уравнения математической физики» (совместно с А. Н. Тихоновым). Много работал по совместительству (ему принадлежали, в частности, важнейшие расчеты по атомному проекту [18]), что, возможно, и проявлялось в его несколько торопливой манере («промчал Самарский метеором...») появляться и исчезать на факультете и в аудитории. Среди студентов считался хорошим преподавателем.

Прошел веселый Гвоздоёр. — Каламбур, подразумевающий похожую фамилию Гвоздовер (Самсон Давидович Гвоздовер, см. примечание к строфе 38*, «добряк Самсон»).

Вот Фридман, старый мухомор. — В. Г. Фридман (см. [4, с. 95] о его участии в дискуссии 1948 г. по статье Маркова) — старейший в те годы преподаватель кафедры истории физики, проводил «идейные битвы» без отрыва от преподавания. Так, его излюбленной тирадой перед обращением к теме «Специальная теория относительности» было: «Я обвиняю Майкельсона в том, что он создал условия для разработки этой вредной теории!». С 1953 г. на факультете не наблюдался. В КИФ данных о нем не имеется. Ф. не имеет никакого отношения к своему однофамильцу А. А. Фридману, гениальному релятивисту [12, с. 284].

Проходит Ржевкин, худ и тих. — Ржевкин Сергей Николаевич (1891–1981) — известный специалист по акустике, профессор, с 1946 г. заведующий кафедрой акустики физфака, автор монографии по физической акустике. Хотя общих курсов не читал, был известен студентам благодаря своей типично «профессорской» благородной внешности. Дожил до преклонного возраста, занимаясь исследовательской и преподавательской работой. В 40–50-х гг. считался принадлежащим к группе идейных борцов, упомянутых в материалах «Совещания». По мнению некоторых, его объединяла с этой группой неприязнь к тем, кого «стыдливо» именовали «космополитами». О его научной деятельности см. [19].

35* **Ах, да! Ведь семинар сегодня**

По философии! — Почти ритуальное действо, посвященное марксистско-ленинскому якобы осмыслению всей научной и педагогической деятельности. См. примечание к строфе 40*.

Гербами в ромбиках сверкая. — Гербы в ромбиках — значки выпускников Университета. Известен анекдот (из серии «Армянского радио»), что такие значки дают затем, чтобы нищие не приставали.

36* **Акулов, тензора создатель,**

Делец, а с виду Арлекин. — Николай Сергеевич Акулов (1900–1996) — известный физик [12, с. 8], профессор физфака, до 1954 г. заведующий кафедрой магнетизма, лауреат Сталинской премии (1941). Бесспорной заслугой Н. С. Акулова явилось создание теории анизотропной намагниченности (отсюда — «тензора создатель»). На факультете сочетал большую техническую («акуловский магнит») и организационную («делец») деятельность с рьяным участием в идеологических битвах и выступлениях в художественной самодеятельности (будучи неплохим тенором, он исполнял, возможно, и партию Арлекина из «Паяцев», но более достоверны известия о его исполнении арии Каварадосси из «Тоски»). В идейных разборках [4, с. 132–136] он являлся одним из самых беспардонных участников на стороне «истинно русских диалектических материалистов», участвовал «в охотку», по собственной инициативе. Его подлость вызывала отвращение у большинства рядовых коммунистов, особенно участников войны. Так, однажды Н. С. выступил на открытом партийном собрании перед коммунистами с «разоблачением» профессора Сергея Тихоновича Конобеевского, который, став и. о. декана факультета, решил по совету «умных людей» вступить в партию. Разоблачение состояло в том, что С. Т. объявлялся побочным сыном помещика! Н. С. охотно подписывал клеветы на конкурентов и неугодных, отправляя эти подметные письма в официальные инстанции. Подоплекой ссоры Н. С. с академическими и, соответственно, участвующими в атомном проекте физиками была его неосновательная претензия на приоритет в открытии цепных реакций. А дальше уже шла борьба без правил на взаимное истребление, как это водилось в некоторых научных кругах, развращенных партийной опекой и неутоленным стремлением к «людоедским котлам бога войны» (удачная, как мне кажется, цитата из [20, с. 126]).

Акулов готовил выступление для участия в «несостоявшемся Совещании» [4, с. 133, 154]; он неоднократно подавал на заседаниях оргкомитета (март 1949 г.) беспардонные реплики, за что и был однажды удален [3, № 5]. По решению ЦК от 14 августа 1954 г. [3–7], принятому по итогам работы комиссии под руководством В. М. Малышева, Акулов в 1954 г. был отстранен от работы на физфаке.

Леднев, столпов ниспровергатель. — См. примечание к строфе 18.

Д. Д. — знаток интерпретаций. — См. примечание к строфе 18.

Вот Власов, факультетский лев,

Слепой фанатик буквы *f*. — Анатолий Александрович Власов (1908–1975) — профессор физического факультета, выдающийся физик [12, с. 66], известный своей теорией плазмы (функция распределения частиц обозначалась буквой *f*, отсюда — «слепой фанатик буквы *f*»; в последней редакции, правда, употреблено «фанатик ярый буквы *f*» [1]). Будучи одним из крупнейших ученых физфака («факультетский лев» не по чинам, а по масштабу своих достижений), попал под бульдозер противостояния факультетских физиков и столпов академической науки. Знаменитая «статья четырех» [21] устами всемирно известных авторитетов в целом правильно указала на отдельные недочеты его работы. По мнению Е. Л. Фейнберга, теперь критика четырех авторов представляется малосущественной, хотя и правильной. Известно также, что в теории Власова были и другие ошибки (не учтены некоторые механизмы затухания), на которые впоследствии указал Ландау.

В то же время нельзя отрицать ценность уравнений Власова для важного случая бесстолкновительной плазмы (см. также [15]). Было бы слишком примитивно думать, что «четверка» как бы отомстила Власову за то, что А. А. не только посмел конкурировать в 1944 г. с И. Е. Таммом (кстати, своим учителем!) за место заведующего кафедрой теоретической физики, но еще и в силу уже известной конъюнктуры был избран на эту должность. Когда, однако, под давлением ЦК КПСС (возможно, кем-то инспирированным) министерство прислало вместо избранного Власова и забаллотированного Тамма своего назначенца В. А. Фока (между прочим, одного из действительно крупнейших советских и мировых физиков-теоретиков, см. [12, с. 279]), тот был подвергнут на физфаке такой обструкции, что через несколько месяцев вынужден был уйти, и завкафедрой все-таки стал Власов. По решению проректора МГУ В. И. Спицына Власова сняли с этой должности, но, опять-таки «под давлением общественности», восстановили. По мнению Е. Л. Фейнберга, хуже всего то, что знаменитое власовское уравнение, как казалось самому его автору, становилось чуть ли не основой квантовой механики, а это, в свою очередь, делало его предметом спекуляций некомпетентных околonaучных журналистов. Определенные возбудимость и нервозность А. А. Власова, обусловленные всеми этими перипетиями, способствовали нездоровой обстановке вокруг этого талантливого ученого.

Хорошо известно (см. [24, с. 125]), что школы А. Д. Сахарова и Е. К. Завойского признавали высокую ценность теории Власова. Без упоминания уравнений Власова практически невозможно приступить к обсуждению любой задачи, касающейся разреженной плазмы. За эту работу в 1970 г. была присуждена Ленинская премия. Анатолий Александрович пользовался также известной популярностью как интересный лектор по разделам теоретической физики (особенно по квантовой механике), хотя его лекции страдали некоторой усложненностью и сумбурностью. Выпускники нескольких курсов физфака с удовольствием вспоминают обзорный курс Власова перед государственными экзаменами. Эти экзамены, впрочем, с 1955 г. были на физфаке отменены.

С ним рядом Саввич, спорщик ярый. — Александр Саввич Предводителей, профессор физфака, известный физик [12, с. 221], долгое время был директором Института физики при физфаке и завкафедрой молекулярной физики. Имел бесспорные научные достижения, но позволил вовлечь себя в бесплодные идеологические словопрения. Готовил выступление для участия в «Совещании» [3, № 3, с. 102]. Возможно, имел в этом деле какие-то личные интересы, связанные с тем, что, будучи сравнительно давно (в 1939 г.) избран в члены-корреспонденты по Отделению технических наук, так и не попал в академики.

Дурак Н.....в. — Предположительно Василий Федорович Ноздрев (1913–?), в то время доцент физического факультета. Участник Великой Отечественной войны, награжден орденами и медалями. Активный партфункционер (тот самый член и даже секретарь парткома МГУ, который впоследствии допрашивал читателей «Стромынкина» и участников бунтарской комсомольской конференции, энергичный боец идеологического фронта (см. [3; 4, с. 130–132])). Был по решению ЦК КПСС удален с факультета и работал в Московском областном педагогическом институте. Занимался молекулярной акустикой. Известны его стихи (он был «и баснописец и акын»), изданные восемью отдельными книжками и в сборнике «Музы в храме науки». Став членом Союза советских писателей, в отличие от автора поэмы, с публикациями стихов затруднений не имел. Предположительность отнесения основывается, во-первых, на том, что в вариантах встречается «дурак

NN» и «ХХ-дурак» без каких-либо указаний на особенные приметы этой личности [2]. Во-вторых, сам Василий Федорович, насколько помнится составителю, предпочитал прочтение своей фамилии «Ноздрев» с ударением на первом слоге.

**И Ноздрев как великий инквизитор
Сверяет с показаниями донос...**

С другой стороны, само то рвение, с которым участвовал в идейных битвах Ноздрев («и зять его Мижуев», — как было подписано от руки на одном из объявлений о семинаре), позволяло не слишком высоко ценить его интеллект.

... седой Ильин. — Борис Владимирович Ильин (1888–1964) — профессор, некогда основатель кафедры общей физики для химфака. Во время эвакуации основной части физфака в Ашхабад и Свердловск исполнял в Москве должность декана. В годы, описанные в поэме, уже пожилой и не слишком активный, был далек от новейших направлений в физике. Специалист по адсорбции. Работал до начала 60-х годов.

А вот и памятника сын. — Известный своим непониманием и даже неприятием новых достижений физики («антирелятивист» — по определению Иваненко) Аркадий Климентьевич Тимирязев (1880–1955), заведующий кафедрой истории физики, сын «настоящего» (см. строфу 37*) К. А. Тимирязева, известного физиолога растений, памятник которому стоял недалеко от старого МГУ у Никитских ворот, куда студенты нередко бегали с занятий на киносеансы.

37* **В те дни, когда на бюст у двери.** — Время не определено: фактически — от постройки здания в 1903 г. до предвоенной поры. Там над дверью стоял на полочке «длинноносый Ньютон».

Столетов выступал блестящий. — Увы, Столетов здесь не успел выступить. Он скончался за год до начала строительства этой аудитории.

И Тимирязев — настоящий! — Ср. строфу 35*.

Вавилов кванты здесь ловил. — С. И. Вавилов проводил лекционную демонстрацию чувствительности глаза к квантам света.

Ленгмюра, Бора, Жолио. — Здесь упоминаются известные физики, возможно, по мнению автора, бывавшие в старой Большой физической аудитории (БФА) [12, с. 161, 39, 112]. Сведений о посещениях упомянутыми физиками БФА на старом физфаке в КИФ мы не нашли. Однако в сборнике [22] сообщается, что в мае (между 14 и 17 числами) 1934 г. Н. Бор выступал в Большой физической аудитории и переводил его И. Е. Тамм. Е. Л. Фейнберг сообщает там же, что ситуация и даже содержание доклада повторились в мае 1961 г. в актовом зале ФИАН. В новой БФА на Ленинских горах Н. Бор также выступил в 1961 г., и переводил его Е. М. Лифшиц. Здесь большое влияние на выступление Бора оказало его присутствие накануне на «Празднике Архимеда». Про Жолио известно, что он был в СССР в 1933 г.

Здесь выступал отважный Марков. — Александр Моисеевич Марков, член-корреспондент АН СССР, известный физик в области теории элементарных частиц [12, с. 179; 4, с. 89–96]. Короткое время читал лекции на физфаке. Эпитет «отважный» заслужил за принципиальную позицию в идейных стычках. В частности, можно отметить публикацию статьи [23] и стойкое сопротивление наветам в процессе подготовки «совещания, которое не состоялось» (см. [3], особенно статью самого Маркова в № 5). Только рыцарской отвагой можно объяснить «иллюзию А. М. о возможности честной философской дискуссии» [4, с. 95] с такими ревнителями идейной чистоты, как философ А. А. Максимов.

Здесь Хайкин курс махистский свой

Прочел. — Семен Эммануилович Хайкин (1901–1968) — серьезный ученый-физик и талантливый педагог, профессор, бывший, между прочим, деканом физфака в 1935–36 гг. Его перу принадлежит курс «Механика», изданный в 1945 г. и основанный на оригинальных лекциях автора. В этом курсе упоминались работы известного физика и философа Эрнста Маха [12, с. 181]. Там же дано и превосходное развернутое изложение специальной теории относительности Эйнштейна. Неслыханным было полное отсутствие клятв в непризнании философских идей самого Маха и его последователя — автора СТО, что и дало основание «идеологическим борцам» заклеить и курс, и самого С. Э. и, наконец, выгнать его с факультета. Однако попытки полностью «истребить» С. Э. методом партийной чистки (исключения из кандидатов в члены партии, с чего обычно начиналось всё, вплоть до репрессий) проходили негладко благодаря коммунистам-фронтовикам, не допустившим на собрании в сентябре 1945 г. расправы над Хайкиным [4, с. 191–198].

Махистский — словцо, употреблявшееся идейными борцами в качестве ругательного. Известно, что Э. Маху «повезло» попасть под критический разгон самого В. И. Ленина-Ульянова в его знаменитом труде «Материализм и эмпириокритицизм» (см. главу 1 этой настольной книги советских борцов за диалектический материализм). Особенно вредные идеи Маха были, по мнению Ленина, обобщены в книгах «Анализ ощущений» (русский перевод вышел в 1907 г. в издательстве Скимунта); «Познание и заблуждение» и др. Упор на критику отдельных формулировок, касающихся мировоззрения Э. Маха, независимо от того, повлияли ли эти формулировки на научные достижения Э. Маха, был нужен Ленину, видимо, для самоутверждения в качестве ведущего философа русской марксистской элиты. Тем самым Ленин обозначил свое ведущее положение во всех «трех составных частях марксизма»: экономике, политике и диалектическом материализме. На развитие физики первое и второе издания (1909 и 1920 гг.) книги Ульянова в то время никакого влияния не оказали, да автор и не претендовал на это. В советский же период этой книгой не только размахивали на философских семинарах, но и привлекали цитаты из нее для идеологических доносов на неугодных представителей научных кругов (ср. [3; 4, с. 12–14]). Теперь «Материализм и эмпириокритицизм» вспоминается как список ругательств, рекомендованных к употреблению в адрес философов-немарксистов.

38* **Сечет рукою создух Власов.** — См. примечание к строфе 36*.

Семенченко нам уши рвёт. — Владимир Ксенофонович Семенченко (1894–1982), профессор физфака и химфака МГУ, читал лекции по термодинамике. Отличался чрезвычайно высоким голосом, на ударных слогах взлетавшим вверх еще на полотавы: «Так однажды М́аксвелл сделал из гипса, термодинамическую поверхность Ѓуббса...» (запись 1952 г.).

Свой Млодзеевский курс ведет. — Анатолий Болеславович Млодзеевский (1883–1959), известный физик, профессор физфака [12, с. 190]. Автор пятитомного «Демонстрационного курса физики». Поэт лекционных демонстраций, которые с помощью своего лаборанта (Егорова) выполнял с исключительным артистизмом. Его шедеврами были демонстрации: гравитационного взаимодействия между свинцовыми шарами, вращения плоскости поляризации света от щелевого источника в большом прозрачном сосуде, различных красочных эффектов поверхностного натяжения и осмотического давления («псевдоамеба»). Отличался живой жестикуляцией и образной речью во время лекций по курсу общей физики и термо-

динамики, особенно при удачной демонстрации опытов. На лекциях даже срывал аплодисменты. Ярко и с энтузиазмом общался и с аудиторией в целом, и с отдельными слушателями, задававшими ему вопросы. В то же время недолюбливал высокую теорию, что вызывало критику его попыток читать курс термодинамики и статфизики.

Жуя мочалу, лепет детский

здесь издает **Я. П. Терлецкий**. — Профессор физфака Яков Петрович Терлецкий (1912–1993). Физик-теоретик, лауреат Сталинской премии по закрытой, но вряд ли чересчур оригинальной тематике («Теория индукционных ускорителей микрочастиц», 1951), позднее (1972) — лауреат Ленинской премии за работы в области магнитной индукции. Неизменный лектор по курсам теоретической физики, особенно по статистической физике и релятивистской электродинамике. От большинства выпускников не приходилось слышать нареканий по качеству лекций Я. П., но, если прислушаться к их фрагментам, действительно можно было услышать дежурный по тогдашним идеологическим требованиям «лепет детский»:

«Что такое пространство? — Ну, пространство, согласно положениям, открытым диалектическим материализмом, пространство и время — формы существования материи. Что это значит? Это значит, что материя существует в пространственно-временной форме, т. е. это всеобщие формы существования материи. Они реальны. Это не есть какие-то мысленные категории. ...Эйнштейну в этом вопросе повредил махизм...».

И несколько далее:

«Время — всё, материя — она существует в пространстве и времени, она развивается во времени. Объект, он существует, он развивается во времени. Значит, каждый объект находится во времени. Значит, можно к этой “координатной” сетке присоединить последовательность времён....Мы стремимся к чистому времени, о котором говорил Энгельс. ...Надо эту сетку сравнить с некоторыми часами, они могут неравномерно идти, но мы будем находить всё более и более лучшие часы, как и масштаб...» (запись 1952 г.).

Яков Петрович был талантливым физиком, но, как считают некоторые, «скурвился» и был далеко не чужд идеологической борьбы [4, с. 172–173]; упоминается в материалах «Совещания» [3]. Имел, по-видимому, и задачи иного плана. В кругах физиков он слыл агентом КГБ, что подтвердилось в одной из публикаций газеты «Совершенно секретно» и в собственной посмертной публикации Я. П. в ВИЕТ [24]. Был известен также на факультете как альпинист.

И Соколов ввергает в сон

Тьмой формул, и добряк Самсон

Кием колотит по экрану. — *Соколов* — см. комментарий к строфе 34*. *Добряк Самсон* — Самсон Давидович Гвоздовер (1907–1970), профессор физического факультета, в 1947–1970 гг. заведующий кафедрой радиофизики сверхвысоких частот, заведующий Отделением радиофизики. Вел как теоретик, непосредственно руководящий экспериментом, исследования в области взаимодействия электронных потоков с объемными резонаторами, радиоспектроскопии ядерного магнитного резонанса и ферромагнитного резонанса. В идеологических боях не принимал участия, а, напротив, считался в партийных кругах «космополитически настроенным ученым школы Мандельштама». Автору поэмы чрезвычайно удался образ низкорослого, коренастого и широколицего Самсона Давидовича с бесконечно добрым выражением лица, едва дотягивавшегося указкой («киём») до верхней части экрана. За трудолюбие и добродушие пользовался симпатией у коллег и

подчиненных, что сказалось, когда он серьезно заболел и ему понадобился аппарат для искусственного дыхания. В мастерской кафедры такой аппарат с участием многих сотрудников кафедры и механика В. С. Букланова был изготовлен и на какое-то время продлил жизнь С. Д. Опыт кафедры был использован впоследствии при попытках спасти также страдавшего параличом дыхания И. Е. Тамма.

И Тихонов, ученый кот,

Мурлычет. — Андрей Николаевич Тихонов (1906–1994), профессор физфака МГУ (впоследствии декан факультета вычислительной математики), в те времена — заведующий кафедрой математики физфака. Авторитет в области численного решения некорректных задач и вообще методов математической физики, глава одной из математических школ в области прикладных вычислений, сыгравшей выдающуюся роль в решении проблемы создания советских атомной и водородной бомб, один из авторов рекомендованного физикам учебника. Ему принадлежал ряд фундаментальных и практически важных расчетов. Небольшие странности во внешнем облике и поведении несколько гипертрофированы автором поэмы. Впрочем, известно, что студенты за глаза нередко называли его «Кисой». Автор поэмы, будучи вынужден уехать из Москвы и в течение трех лет работать в школе на своей родине в Днепропетровске, написал Тихонову, на кафедре которого он учился, письмо с просьбой дать задачу для расчета. Ответа не последовало. Мог ли А. Н. пригласить «недопущенного» выпускника к решению тех задач, которые его интересовали, или он что-то имел против своего ученика — это большой вопрос.

...жизни всем дает

Здесь Рабинович неустанный. — Доцент кафедры математики физфака Юлий Лазаревич Рабинович, опытный математик и блестящий лектор по математическим дисциплинам. Известен был энергичным, напористым стилем чтения лекций («жизни всем даёт, здесь Р. неустанный») и «допроса» студентов на экзаменах. Славился своей способностью продолжать любой математический курс физфака с любого места. Блестяще перевел на русский язык пару учебников Куранта по математике.

40* Скажу лишь вот что: тьму проблем

Гоняли в жарких словопрениях... — Проблем было много. Поднимались вопросы о комментариях к тем или иным положениям и высказываниям Ленина (из «Материализма и эмпириокритицизма»), Энгельса (из «Анти-Дюринга» и «Диалектики природы»), а также об уничтожении или, в крайнем случае, об истолковании в духе диамата каждого из мало-мальски доступных для научно-серой массы положений, формул и результатов квантовой механики (обычно соотношения неопределенностей) и теории относительности (обычно постулатов специальной теории относительности). Особенно не повезло, как многие помнят, в связи с идеологическим погромом среди химиков теории резонанса Полинга (см. [25; 26]). Теория относительности была излюбленной мишенью нападок доморощенных «материалистов» (впрочем, осталась ею и по сей день). Кроме того, необходимо было отзываться на последние статьи и решения, кричать осанну верным и проклинать неверных. Короче, идеологическая жизнь, проявлением которой, в частности, и были подобные семинары, была ключом. Благодаря проблеме ядерного оружия прагматическая тенденция в 1949 г. возобладала и позволила сохранить кадры наиболее выдающихся советских физиков. Становились ли некоторые (от студентов до профессоров и академиков) пешками в этой борьбе или участвовали в ней то ли из корыстных, то ли из принципиальных соображений, — ныне сказать трудно. Многих из упомянутых, скажем, в материалах «Совещания» [3] и в книге [4]

идейных борцов того времени (М. Д. Карасев, В. Н. Кессених, Ф. А. Королев, Б. И. Спасский, М. И. Шахпаронов и др.) автор поэмы не знал или не упомянул. К. А. Томилин справедливо замечает, что еще в 1949 г. свершился непрерывный и мягкий переход основной идеологической проблемы с сокрушения «физического идеализма» на расправу с «космополитами», т. е. на стезю практического антисемитизма [6]. Провал «Совещания» 1949 г. был обусловлен тем, что трогать людей, занятых атомным проектом, было для властей предпочтительнее. Другое дело — тяжелая ситуация П. Л. Капицы, фактически поставленного на грань между опалой и репрессией. Сопротивление этому «Совещанию» И. В. Курчатова, А. П. Александрова и многих их соратников, просто уклонившихся от участия в «совещании нечестивых», или тех, кто были мишенями «критики», также оказалось весьма достойным.

Можно ли было считать участников атомного проекта находящимися под защитой Берии? Вопрос спорный: эта защита была весьма относительной, с постоянной угрозой перехода от беспощадной эксплуатации к беспощадной расправе.

Недавно история «идейной борьбы» (если ее можно так назвать) нашла серьезное отражение, например, в работах [3–7].

Ради справедливости необходимо упомянуть многих ученых физфака, специалистов Отделения ядерной физики, созданного на физфаке в 1947 г. под руководством Д. В. Скобельцына, вложивших немало труда в выполнение атомного проекта, особенно в подготовку кадров [18].

33 Идеиной стирки ароматы.** — Автор намекает, что под видом борьбы идей протаскивались самые дурнопахнущие концепции, от «революционной целесообразности» до антисемитизма и национал-шовинизма, и сводились самые подленькие личные счеты. См. также строфу 25 главы 4: «В идеиной стирке, в грязной пене...».

ГЛАВА 3

$g_{\mu\nu}$ да $g^{\mu\nu}$, а о водке ни полслова (*Денис Давыдов*). — $g_{\mu\nu}$ да $g^{\mu\nu}$ — указание на тензорные величины, звучащее почти как «Жомини да Жомини», где Жомини — известный военный стратег времен Наполеона и, соответственно, Д. Давыдова. Излюбленный прием автора — перекидывание хорошо знакомых читателю текстов.

Я был свидетель умиленный

Твоих студенческих забав. — Тот же прием с перекидыванием цитируемого текста («Евгений Онегин», глава II, строфа XXI: «Он был свидетель умиленный ее младенческих забав»).

2 Ревели песню о «Морже». — Вариант: «Столь популярную “Моржу”». Ср.: «Гремит “Моржа” подобно гимну»... (6 строфа). «Моржа» — одна из действительно популярных в теплых студенческих компаниях песен на мотив известного фокстрота с примитивным содержанием (об охоте эскимосов на «моржу»: «На далеком севере эскимосы бегали...»). По классификации А. Милна—Б. Заходера, очевидно, принадлежала к разряду «ревелок». Такого рода песни на знакомые мотивы сочиняли сами студенты.

5 И властный голос Левитана

Поздравил с Новым годом нас. — В те времена первое новогоднее поздравление произносил по радио знаменитый диктор Юрий Левитан.

По признанию автора, при написании этой строфы он впервые осознал, что советское общество несомненно является классовым.

6 Гремит «Моржа» подобно гимну. — См. примечание к строфе 2 главы 3.

ГЛАВА 4

Родит же, черт возьми, родит
Земля подобных Афродит. — Неясно откуда. От автора можно ожидать, что он и сам способен сочинять себе эпитафии.

3 А на орбитах отдаленных
Вокруг центрального ядра
Вращались пары до утра,
Мелькая, словно электроны,
Своими спинами двумя. — Развернутое сравнение с планетарной моделью атома.

5 Вся в шпурах, вся в функционалах. — *Шпур* (нем. «след») — сумма диагональных элементов матрицы; является инвариантом, т. е. не меняется при изменении системы координат. *Функционал* — величина, значение которой определяется всем ходом некоторой функции в некотором интервале аргумента. Понятия, разумеется, весьма специальные.

6 Захлебывается с тоской
Воспрявший было род людской. — Остроумный намек на текст «Интернационала».

8 Его в молекул хоровод,
Соединенных двухвалентно. — Теперь уже «использована» модель валентных связей.

10 Сопrotивляйся, как мегом. — Не очень удачный каламбур, смысл которого: «сопротивляйся, как сопротивление» (притом очень большое). Однако электрическое сопротивление на самом деле рассеивает энергию, а не борется с чем-то.

11 Не измерение альбедо,
Не защемленная консоль. — Похоже, героиня занимается то ли оптикой, то ли астрономией, то ли прикладной механикой.

12 Но инвалидом пятой группы
Прозвать пришлось ее друзьям:
В анкете был у ней изъян. — Популярный пассаж «черного юмора»: напоминание, что в пятом пункте одной из стандартных анкет стоял вопрос о национальности.

13 Я знаю — *verbum est argentum*. — «Слово — серебро» (лат.)

15 Его отец был чаевод. — Скорее, секретарь райкома или директор завода, ну в крайнем случае — председатель колхоза.

Две тыщи в месяц, двадцать в год. — Месячная стипендия на физфаке (в зависимости от курса, специальности и успеваемости) была тогда от 280 до 1000 руб. (по постановлению от 1947 г.). Средняя зарплата в стране (по грубой оценке) — около 1000 руб. (учитывая, что десятки миллионов крестьян и миллионы заключенных зарплаты вообще не получали и в статистику не входили, — и того меньше). Бутылка водки стоила от 21 руб. и более, коньяка — от 30 руб. и более.

17 Литературный критик громко. — Неясно, зачем появился на Стромынке на балу столь процветающий критик. Может быть, поухаживать за какой-нибудь аспиранткой? А возможно, только для того, чтобы быть обруганным автором. Хро-мает связь творения с реальностью.

Стахановцев, а не людей. — Стахановцы — символ советской сталинской показухи. Одним из идеологических мифов сталинизма, вызывавшим восхищение даже у его заклятого конкурента Гитлера, было стахановское движение, участники которого якобы могли за счет сознательности и организованности (а фактически за счет приписок) перекрывать разумные технические нормы в десятки раз.

18 ...В тот год был сильный недород. — Особенно сильный недород был в послевоенный 1946 год, и отсюда кажется, что герой встречает новый 1947 год. Однако этому выводу мешает (см. строфу 22 и далее) присутствие на балу большого числа китайцев, которые появились на Стромынке в 1950 г.

Жизнь эскимосов и чукчѐй. — К сожалению, автор неправильно ставит ударение.

22 ...Ублюдок плановой системы. — Самые ярые сторонники советской власти не могли не понимать и тогда ублюдочность того варианта плановой системы, который реализовался в СССР.

Сиял китаец взглядом чистым. — См. комментарии к строфам 18 и 24. Поскольку появление китайца полезно автору для «раскрытия образа времени», он перестает следить за соответствием частных фактов реальности.

Не знал он веры в полнакал. — Правильнее было бы «в полнакала».

23 Везде таился дядя Сам. — Дядя Сам (Сэм в более обычной для советской прессы транскрипции) — любимый карикатурный персонаж антиимпериалистической пропаганды того времени.

24 Он рок-н-ролл плясал, неистов. — Похоже на небольшой (впрочем, действительно небольшой) анахронизм.

В [1] в конце этой строфы вставлена довольно дежурная и как бы запоздалая (ей бы появиться в 22 или 23 строфах) острота:

**Я выдам вам сейчас секрет:
Был прежде русским тот китаец,
Но за марксизм он засел,
И от усердия — окосел.**

25 В идейной стирке, в грязной пене. — См. строфу 33** главы 2: «Идейной стирки ароматы».

Приказ: «Патронов не жалеть!» — Т. е. разоблачать своих руководителей. Любимое занятие карьеристов конца 40-х — начала 50-х.

Иван, не помнящий родства. — Излюбленная советскими официозами риторическая фигура, подразумевающая «космополита». Впрочем, подлинные имена космополитов обычно мало походили на имя «Иван».

27 А в урожаях весьма низких

Винить ученых вейсманистских. — Т. е. генетиков. Издевательства над так называемой «формальной» генетикой не сходили со страниц советских газет и журналов после знаменитой августовской (1948 г.) сессии ВАСХНИЛ. Например, считалось хорошим тоном поносить их за отрыв от нужд народного хозяйства (мухами-дрозофилами занимаются!!!) или просто за якобы заумь, примером которой обычно служила абсолютно прозрачная для каждого, кто обратится к определениям, фраза: «Рецессивная аллель влияет на фенотип, если генотип гомозиготен».

- 29** **Заветов ленинских реликты.** — В годы хрущевской оттепели и позднее, практически до конца 80-х, «ленинские заветы» считались основой для создания чаемого «социализма с человеческим лицом», а их нарушение — чуть ли не основным грехом советских коммунистов.
- 30** **Сознание заменив чутьем,
Он жил отличным бытием.** — Редакторская правка не совсем удачной строки.
- 31** Автор допускает рифму «упрёк — впряг» (подразумевая, что слышится «впрёг»).
- 34** **Что, скажем, в Робсоне видна.** — Пол Робсон — выдающийся американский певец (бас), чернокожий американец, не скрывавший своих симпатий к СССР и коммунизму. Активный и искренний борец за мир в рядах просоветских организаций. Подвергался преследованиям в период т. н. маккартизма в США, с трудом добился разрешения на гастрольную поездку в СССР, которая прошла в 1947 г. с небывалым успехом.

ГЛАВА 5

Учиться, учиться и учиться (Н. С. Хрущев) — Шутка автора. Разумеется, эта фраза принадлежит Ленину, а Хрущеву — принадлежит претензия «быть Лениным сегодня».

- 1** **Есть на Козихе, за прудом
Доходный дом один старинный.** — Похоже, что герой осваивает Москву уже более плотно и широко. Бол. Козиха — ул. Остужева, расположена между Пушкинской пл. и Б. Бронной ул., там, где прежде у Патриарших прудов располагалось Козье болото.
- 5** **Чертить, сдавать «Основы» на пять.** — См. примечание к строфе 15 второй главы.
- 6** **Красноречив новейший зодчий.** — Намек на Хрущева, что объясняет и эпиграф.
И раздражал больших сагибов. — *Сагибов* — господ (хинди). Слово, внедренное в русскую поэзию Н. Тихоновым.
- 7** **Отец, отец, оставь угрозы.** — Цитата из поэмы Пушкина «Полтава».
- 11** **А все C_2H_5OH .** — C_2H_5OH — этиловый, или винный, спирт.
- 12** **Прически модные тарзаньи.** — Скорее всего, подразумевается отсутствие причесок, как и положено Тарзану, живущему по сюжету популярных тогда трофейных фильмов в джунглях.
Семиты из Кременчуга. — Или, понятно, из других мест Украины и Белоруссии, где при царизме проходила знаменитая черта оседлости для евреев.
- 13** **Как будто струйками озона,
Как будто закисью азота.** — Бодрящий в небольших концентрациях озон и знаменитый «веселящий газ» — закись азота.
- 14** **Мы импотентны к чувствам свежим.** — Удачный неологизм автора.

18 В плену планет плыл плот Плеяд. — Легко представить по этим строкам семь расположенных четырехугольником с «хвостом» (ковшиком) ярких звезд Плеяд среди пары еще более ярких планет (ниже будет указан Юпитер).

ГЛАВА 6

Энтропия мира стремится к максимуму. — Возрастает ли энтропия мира, — это неясно, поскольку доказуемо лишь то, что возрастает энтропия всякой изолированной системы. Трактовалось как буржуазно-пессимистическое толкование философии природы. См. строфы 11–12.

Энергия не создается и не уничтожается, а лишь переходит из одной формулы в другую в равных количествах. — Шутливое переложение закона сохранения энергии на язык двоечницы.

3 Теперь с обычной частотой
В один и три десятых герца
Не бьется у героя сердце. — Т. е. как у нормальных и спокойных людей: 78 раз в минуту.

Запретны (словно в наши дни
Аллели, гены, хромосомы). — См. примечание к строфе 27 четвертой главы.

7 И, как свидетельствует опыт,
Растет любви величина. — Пародия на строку из лабораторного отчета. «Свидетельствует» в данном контексте, конечно, физический эксперимент, а не абстрактный жизненный опыт.

9 Вся наша жизнь из синусоид,
Из асимптотик Бесселей. — Скорее, справедливо второе, так как все процессы имеют обыкновение затухать, — подобно функциям Бесселя и в отличие от синусоиды.

11 А смысл энтропии прост:
Ее неукротимый рост
Есть девальвация природы.
У ней, проклятой, цель одна:
События исчерпать до дна. — См. примечание к эпиграфу. Тирада довольно удачна.

12 Бродил, бездарный, как Сурков. — Алексей Александрович Сурков (1899–1983) — известный советский поэт, секретарь ССП. Мнение о его бездарности относится не столько к его версификации. Например, ему принадлежит текст известной песни военных лет «Бьется в тесной печурке огонь...». Зато в «поведенческом» смысле был действительно бездарен, известен как беспринципный карьерист («гиена в патоке»). Если бы не его регулярное и, очевидно, действительно бездарное участие в послевоенные годы в восславлениях режима и в идеологических стирках коллег, он, может быть, и запомнился бы по своим талантливым строкам, да еще по строкам К. Симонова «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины...». Впрочем, об отношении физиков к Суркову можно прочитать в [27].

И небо мая над Москвой

Напоминало синевой,

Что справедлив закон Рэлея. — Напоминание автора о законе зависимости рассеяния света от длины волны выдает в нем заядлого популяризатора физической науки.

14 **Монолог Евгения.** — Здесь мы видим прямое подражание Пушкину, в романе которого встречаются подобные вставные пассажи: письмо Татьяны, стихи Ленского, письмо Онегина.

А дождь по Яузе плясал. — Действие происходит вблизи Стромьинского общежития. Оттуда до Яузы рукой подать.

ГЛАВА 7

Rp.: Sic transit gloria mundi (А. П. Чехов). — Рецепт (стандартное сокращение у медиков): Так проходит мирская слава.

И смысл изречения, и его (на этот раз неподдельное, хотя и условное) авторство не требуют комментария.

Пора кончать точить балясы,

Пора начать сводить балансы. — Похоже на излюбленный авторский само-эпиграф.

3 **Забравшись в глушь, в почтовый ящик.** — Любое закрытое учреждение должно было иметь «почтовый ящик», т. е. практически адрес для переписки, но ничего более для непосвященных. Довольно быстро этот термин был перенесен на класс подобных учреждений в целом. Физики работали в те годы, например, в Арзамасе-16, Томске-7, Челябинске-40 и т. д. Однако герой поэмы всё же, со всей очевидностью, работал в Дубне, в Объединенном институте ядерных исследований, который благодаря инициативе Курчатова, поддержанной Хрущевым, был отчасти рассекречен и даже сделан международным — уже после 1956 г.

Тут, как Суворов на редут,

Атаку на ядро ведут. — Несомненная авторская пародия на победоносные реляции об успехах советской науки.

4 **Протонный вихрь кружится здесь.** — Это про синхрофазотрон.

6 **Весь день звучит грибной скрежет.** — Удачное расширение автором русского языка.

7 **Стремясь уверенно к «Победе».** — Популярная тогда и доступная по цене для граждан с зарплатой кандидата наук модель Горьковского автозавода.

10 **Что разменяли мы Коммуну.** — Типичный комплекс неполноценности будущего шестидесятника. Это опять о «Коммуне с человеческим лицом».

11 **Науку двигая свою,
Я больше обществу даю.** — То ли оправдание, то ли сущая правда.

13 **Смысл систематики Гелл-Манна
И превращений КА НУЛЕЙ.** — Так надо читать в стихе знак K^0 . Мюррей Гелл-Манн — виднейший теоретик в области физики элементарных частиц [12, с. 79; 15].

16 **Быть может, крылья растоплю я.** — Намек на крылья Икара.

18 **В литературный парадиз.** — Парадиз — рай, но какова рифма: парадиз — пародист!

19 **Когда, усевшись за диплом,
Я понял то, чего не чаял.** — Прямое указание на время начала работы над поэмой — весна 1949 г.

УПОМИНАНИЯ В ПОЭМЕ О ФИЗИКАХ И МАТЕМАТИКАХ ФИЗФАКА

- Акулов Н. С.: тензора создатель, делец, а с виду — Арлекин (глава 2, строфа 36*)
- Власов А. А.: факультетский лев, слепой фанатик буквы *f* (глава 2, строфа 36*); сечет рукою воздух (глава 2, строфа 38*)
- Гвоздовер С. Д.: веселый Гвоздодёр (глава 2, строфа 34*); добряк Самсон киём колотит по экрану (глава 2, строфа 38*)
- Иваненко Д. Д.: не ставят ни во грош (глава 2, строфа 18); знаток интерпретаций явлений с помощью трех пальцев (глава 2, строфа 36*); ...эрудит по часу кряду ерундит (глава 2, строфа 38*)
- Ильин Б. В.: седой Ильин (глава 2, строфа 36*)
- Леднев Н. А.: льва одряхлевшего — Эйнштейна, собрав профессоров кагал, ногой бестрепетной лягал (глава 2, строфа 18); столпов ниспровергатель, тридцатилетний вундеркинд (глава 2, строфа 36*)
- Марков А. М.: отважный Марков (глава 2, строфа 37*)
- Млодзеевский А. Б.: речь перемежая плясом, свой Млодзеевский курс ведет (глава 2, строфа 38*)
- Ноздрев В. Ф. (?): дурак (глава 2, строфа 36*).
- Предводителей А. С.: Саввич, спорщик ярый (глава 2, строфа 36*)
- Рабинович Ю. Л.: жизни всем дает здесь Рабинович неустанный (глава 2, строфа 38*)
- Ржевкин С. Н.: худ и тих (глава 2, строфа 34)
- Самарский А. А.: промчал Самарский метеором (глава 2, строфа 34*)
- Семенченко В. К.: Семенченко нам уши рвет (глава 2, строфа 38*)
- Соколов А. А.: как забеременевший страус (глава 2, строфа 34*); ввергает в сон тьмой формул (глава 2, строфа 38*)
- Столетов А. Г.: угрюмое создание Столетова на Моховой (глава 2, строфа 31); Столетов выступал блестящий (глава 2, строфа 37*)
- Терлецкий Я. П.: жуя мочалу, лепет детский здесь издает (глава 2, строфа 38*)
- Тимирязев А. К.: памятника сын; взметаёт вороха старья, академически остря (глава 2, строфа 36*); не «настоящий» (глава 2, строфа 37*)
- Тихонов А. Н.: ученый кот; мурлычет (глава 2, строфа 38*)
- Фридман В. Г.: старый мухомор, идейных битв боец матерый (глава 2, строфа 34*)
- Хайкин С. Э.: курс махистский свой прочел (глава 2, строфа 37*)
- Широков М. Ф.: шутки скучны, как Широков (глава 2, строфа 33*)

Литература

1. *Копылов Г. И.* Четырехмерная поэма и другие одномерные произведения / Ред. К. А. Любарский. Мюнхен: Страна и мир, 1990.
2. Всеобщая история Архимеда (рукописный архив художественного коллектива «Студия Архимед» при ДК РНЦ «Курчатовский институт»).
3. *Сонин А. С.* Совещание, которое не состоялось // Природа. 1992. № 3–5.
4. *Сонин А. С.* Физический идеализм (История одной идеологической кампании). М., 1994.
5. *Андреев А. В.* Социальная история НИИФ МГУ (1922–1954): Дисс. ... к. ф.-м. н. М.: ИИЕТ им. С. И. Вавилова РАН, 1996.
6. *Томилин К. А.* Борьба с космополитизмом в физике // Физика XIX–XX веков в общенаучном и социокультурном аспектах. М., 1997.
7. *Илизаров С. С.* Академический июнь 1958-го // Московская правда. 1994. 19 июля.
8. *Алексеева Л.* История инакомыслия в СССР: Новейший период. М., 1992.
9. *Бонгарт М. М.* Проблема узнавания. М., 1967.
10. *Поспелов Д. А.* Фантазия или наука. На пути к искусственному интеллекту. М., 1982.
11. *Фрумкина Р. М.* О нас — наискосок. М., 1997.
12. *Храмов Ю. А.* Физики. М., 1983.
13. *Болотовский Б. М.* Вспоминая годы молодые // ВИЕТ. 1991. № 4.
14. *Абрагам А.* Время вспять, или Физик, физик, где ты был? М., 1991.
15. Физическая энциклопедия / Гл. ред. А. М. Прохоров. Т. 1–4. М., 1988–1994.
16. *Любимов Ю. А.* В каких зданиях работали физики Московского университета // Бюллетень Российского Физического Общества. 1993. Вып. 3–4.
17. Дворец науки. Сборник рассказов строителей. М., 1952.
18. История советского атомного проекта. Труды международного симпозиума. М., 1998.
19. *Зарембо Л. К., Лёвшин Л. В.* Сергей Николаевич Ржевкин. М., 1992.
20. Чародей эксперимента. Сборник памяти Е. К. Завойского. М., 1994.
21. *Гинзбург В. Л., Леонтович М. А., Ландсберг Г. С., Фок В. А.* О несостоятельности работ А. А. Власова по обобщенной теории плазмы и теории твердого тела // ЖЭТФ. 1946. Т. 16. № 3.
22. Нильс Бор и наука XX века. Киев, 1990.
23. *Марков А. М.* О природе физического знания // Вопросы философии. 1947. № 2.
24. *Терлецкий Я. П.* Операция Допрос Нильса Бора // ВИЕТ. 1994. № 2.
25. *Сергеев Н. М.* Дискуссия о резонансе // Химия и жизнь. 1988. № 9.
26. *Сонин А. С.* Тревожные годы советской химии // Знание — сила. 1988. № 10.
27. Физики все еще шутят // Природа. 1996. № 9.